

**ПЕРСИДСКАЯ
ОЛЬГА
АЛЕКСЕЕВНА**

Младший научный сотрудник
Института философии и права
СО РАН.

Новосибирск. Россия.

E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

УДК 008.2

**РУКОВОДИТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ
О ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**

Аннотация. С опорой на разработки ряда отечественных авторов показаны основания модели гуманитарной экспертизы как проекта по анализу и прогнозированию глобальных рисков, связанных в внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта. Показано, что гуманитарная экспертиза должна быть направлена на анализ новых социальных практик, способных сдвинуть границу в понимании нормы человеческого. Выдвинуто предположение, что модель гуманитарной экспертизы нуждается не только в теоретической проработке, но и в обсуждении ее концептуальных оснований с разработчиками цифровых технологий и искусственного интеллекта, так как непосредственно касается области их деятельности. Изложен анализ результатов пилотной серии интервью о гуманитарной экспертизе. Информантами выступили руководители предприятий Новосибирска, область деятельности которых связана с цифровыми технологиями и (частично) искусственным интеллектом. Показано отношение информантов к феноменам «цифровая технология» и «искусственный интеллект», выявлены их точки зрения по поводу целей и ценности гуманитарной экспертизы, осуществлена попытка моделирования информантами состава комиссий этих экспертиз и способов внедрения в существующие институциональные структуры, продемонстрированы уязвимые места концептуальной модели гуманитарной экспертизы, требующие дополнительной проработки и усиления. Сделан вывод, что идея гуманитарной экспертизы требует прояснения и конкретизации механизмов организации, проведения и внедрения в существующие институциональные структуры, а также, что разработка концепции гуманитарной экспертизы может быть продуктивнее в диалоге с представителями бизнес-сообщества и управленческих структур.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, бизнес, цифровые технологии, искусственный интеллект, гуманитарные риски, последствия внедрения цифровых технологий, новые социальные практики.

© Персидская О. А. 2023

**Исследование выполнено за счёт гранта Российского
научного фонда, проект № 21-18-00103,
<https://rscf.ru/project/21-18-00103/>**

Olga A. Persidskaja

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

HEADS OF BUSINESSES ON HUMANITARIAN EXPERTISE

Abstract. The foundations of the humanitarian expertise model as a project to analyze and to predict global risks associated with the introduction of digital technologies and artificial intelligence are shown based on the developments of a number of domestic authors. It is shown that humanitarian expertise should be aimed at analyzing new social practices that can shift the boundary in understanding of the human norm. It is suggested that the model of humanitarian expertise needs not only theoretical elaboration, but also a discussion of its conceptual foundations with developers of digital technologies and artificial intelligence, since it concerns the field of their activities directly. The analysis of the results of a pilot series of interviews on humanitarian expertise is presented. The informants were the heads of Novosibirsk enterprises whose field of activity is related to digital technologies and (partially) artificial intelligence. The attitude of informants to the phenomena of “digital technology” and “artificial intelligence” is shown, their points of view on the goals and value of humanitarian expertise are revealed, an attempt by informants to model the composition of commissions of these examinations and ways of implementation into existing institutional structures has been carried out, vulnerabilities of the conceptual model of humanitarian expertise requiring additional study and strengthening are demonstrated. It is concluded that the idea of humanitarian expertise requires clarification and specification of the mechanisms of organization, implementation and implementation in existing institutional structures, and also that the development of the concept of humanitarian expertise can be more productive in dialogue with representatives of the business community and management structures.

Keywords: humanitarian expertise, business, digital technologies, artificial intelligence, humanitarian risks, consequences of the introduction of digital technologies, new social practices.

**The work was written within the framework of the grant project supported by the Russian Science Foundation Project No. 21-18-00103.
<https://rscf.ru/project/21-18-00103/>**

DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-56-65

Принято считать, что темп развития современных цифровых технологий и искусственного интеллекта превосходит ту скорость, с которой общество может к ним адаптироваться. Эта мысль находит подтверждение в частности в том, что человечество зачастую обнаруживает неожиданные для себя последствия внедрения этих технологий только после того, как они уже повсеместно распространены. Говоря об этих последствиях, часто упоминают «цифровой разрыв», влекущий углубление социального неравенства населения; риски, связанные с обнародованием конфиденциальной информации из цифровых источников; перспективу трансформации рынка труда из-за того, что искусственный интеллект становится способен взять на себя выполнение всё более широкого ряда профессиональных задач и пр.

Сказать однозначно о том, какие из перечисленных и иных последствий внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта преувеличены общественным сознанием, а какие действительно представляют опасность, сложно, однако ясно то, что какой-либо механизм прогнозирования и предупреждения подобных рисков мог бы быть полезен для этой цели.

Примером для построения модели такой экспертизы могла бы стать внедренная в практику биомедицинской деятельности этическая экспертиза. Эта экспертиза призвана выявить риски для участвующих в биомедицинском исследовании людей и животных и сопоставить эти риски со значимостью результатов, которые будут получены в ходе его реализации. Она проводится в рамках специально созданных для этих целей этических комитетов, существующих в научных учреждениях [Юдин 2006].

В отличие от этической, экспертиза глобальных рисков, связанных с внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта, выходит на гораздо более широкое поле деятельности, нежели область биомедицины. В настоящее время разработка модели и внедрение данной экспертизы находится скорее на этапе философской идеи, чем практики [Тищенко 2008: 198], и требует значительной доработки и проработки. Эту задачу берут на себя как отдельные исследователи [см., например, Воронин 2013; Гребенщикова 2011; Луков 2006; Тищенко 2008; Юдин 2006], так и философские коллективы [см., например, Синюкова, Смирнов 2021; Смирнов, Яблокова 2019; Горбачева, Пестунов 2022]. Они называют такую экспертизу *гуманитарной*, делая акцент на том, что её прогностическим горизонтом является будущее человека, человеческого общества и культуры.

Концептуальная модель гуманитарной экспертизы опирается на идею опережающего реагирования на возникающие угрозы и последствия внедрения и развития технологий. Это реагирование, в свою очередь, становится возможным в ходе моделирования новых социальных ситуаций, в которых может оказаться человек, использующий ту или иную цифровую технологию или технологию, созданную на основе искусственного интеллекта. Важным шагом моделирования здесь видится не только конструирование этих возможных ситуаций, но и обживание тех социальных форматов, той социальной реальности, которые предполагают внедренные технологии. В этой связи объектом гуманитарной экспертизы выступают не цифровые технологии или технологии, связанные с искусственным интеллектом сами по себе, а те социальные

практики, возникновение которых они продуцируют, а её предметом становится переход нормативной границы в определении человека и человеческого, то есть сдвиг в понимании нормы существования человека [Юдин 2006; Синюкова, Смирнов 2021]. Соответственно, в фокус гуманитарной экспертизы могут быть помещены технологии, которые трансформируют уклад жизни человека; те, что могут влиять на представления о естественном и искусственном (и на границу между ними); те, что имеют отношение к смешению реальности и виртуальности; в целом – те, что несут в перспективе существенные социокультурные последствия.

Таково, в общих чертах, теоретическое видение идеи гуманитарной экспертизы. Для её реализации на практике необходима, разумеется, проработка конкретных деталей её проведения, способов внедрения в существующие институциональные структуры, формирование этических оснований и кодексов экспертов, а также решение широкого ряда иных практических задач. Отдавая дань уважения коллегам, трудящимся над теоретической проработкой гуманитарной экспертизы, мы решили подойти к теме с другой стороны – более практически ориентированной. Ясно, что разработчики цифровых технологий и технологий, связанных с искусственным интеллектом, являются значимой составляющей гуманитарной экспертизы: результат именно их труда продуцирует новые социальные практики, способные сдвинуть границу в понимании нормы человеческого, то есть составляющие, являющиеся предметом и объектом экспертирования. Поэтому успех практической реализации идеи гуманитарной экспертизы, на наш взгляд, во многом зависит от того, насколько разработчики будут вовлечены в эту экспертизу и с каким настроем воспримут её. Однако наш анализ публикаций показал отсутствие работ, посвящённых восприятию гуманитарной экспертизы разработчиками новых технологий. Отчасти восполнить этот пробел призвано проведенное нами пилотное социологическое исследование. В его ходе было проведено четыре экспертных интервью с руководителями новосибирских предприятий, область деятельности которых связана с цифровыми технологиями и (частично) искусственным интеллектом. Интервью проводились как с использованием средств цифровой видеосвязи, так и в ходе личной встречи. Каждое из них заняло от 20 до 40 минут. По согласованию с информантами, данные серии интервью приводятся в обезличенном виде без указания имени, пола и возраста респондентов; обозначены только должность информанта и область деятельности предприятия, которым он руководит.

Вопросы интервью были сосредоточены на нескольких темах. Во-первых, отношение к феноменам «цифровая технология» и «искусственный интеллект». Во-вторых, выявление рисков для человека и человечества, связанных с внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта. В-третьих, выяснялось, представляется ли гуманитарная экспертиза нужной бизнесу и почему. В-четвертых, была осуществлена попытка моделирования как возможного состава комиссии по гуманитарной экспертизе, так и способов внедрения этих комиссий в существующие институциональные структуры.

Разумеется, проведённая работа не может считаться завершённым социологическим исследованием, поэтому полученные результаты не претендуют на широту охвата мнений по рассмотренным вопросам и на исчерпывающий

анализ темы. Однако, на наш взгляд, сделанное позволяет в самом первом приближении взглянуть на гуманитарную экспертизу глазами тех, кого она напрямую касается, и открыть академическому сообществу те практические грани темы, которые не очевидны с сугубо теоретической позиции.

Анализ результатов интервью позволил сформулировать ряд тезисов, соответствующих приведённому выше списку вопросов, а также заключительную идею, которая, мы надеемся, сможет дать импульс дальнейшей проработке модели гуманитарной экспертизы. Сформулированные нами в кратком виде выводы, раскрытые и дополненные цитатами информантов, приведены ниже.

1. Не цифровых технологий не осталось. В ответах информантов была акцентирована мысль о том, что граница между цифровыми и не цифровыми технологиями становится условностью.

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«Сейчас почти любое устройство <...> содержит цифровые технологии. Устройств таких много – в быту, в производстве».

Информант 2, коммерческий директор, разработка электроники:

«В моем понимании цифровые технологии – это инструмент. И все технологии, которые сейчас развиваются, попадают под определение “цифровые”».

В этом смысле не будет преувеличением сказать, что для современных производств не цифровых технологий не существует, они так или иначе представлены практически в любом создаваемом устройстве.

2. Цифровые технологии – безопасный инструмент, внедрение ИИ требует более осторожного отношения. Следует отметить разницу в отношении к цифровым технологиям и искусственному интеллекту. Первые воспринимаются освоенными, безопасными и являются инструментом, позволяющим реализовывать производственную деятельность. Единственный риск здесь – предупреждение использования цифровых технологий с целью причинения намеренного вреда. Тема искусственного интеллекта вызвала иное отношение: её либо не хотели поднимать, ссылаясь на ограниченность компетенций, либо касались настороженно, раскрывая идею о риске, связанном с тем, что, с одной стороны, использование искусственного интеллекта привлекательно для многих, так как позволяет решать сложные не алгоритмизируемые задачи, но, с другой стороны, оценка технологии принятия этих решений принципиально невозможна, а значит, нельзя ручаться и за качество решений; следовательно, делегирование может быть связано с риском.

Информант 2, коммерческий директор, разработка электроники:

«Что касается искусственного интеллекта, то <...> нами не понято до конца, как он устроен. <...> Это особенность, данность нейросетевой технологии. <...> Нейросетевая модель настолько хороша, что мы склонны доверять ей принятие решений. Подкупает, очень подкупает высокое качество реализации не алгоритмизируемых задач. <...>

В момент, когда происходит это делегирование, и возникают риски, потому что мы не знаем, как она это решение принимает. <...> Мы принципиально не можем проконтролировать, насколько качественное решение она принимает».

Информант 3, директор, цифровые технологии в медицине:

«Я думаю, если не брать радикальные примеры, [например], не отдавать ИИ на непонятных алгоритмах, условно, управление атомом [реакцией расщепления атома], то [все нормально]».

Информант 4, директор, в. н. с., д-р хим. н., химическая технология:

«Какие-то риски есть, но у меня нет параноидального неприятия таких вещей. [Риски могут быть связаны с] передачей чувствительных решений устройству».

3. *Гуманитарная экспертиза все же нужна.* До начала интервью респондентам было предложено ознакомиться с кратким конспектом, содержащим описание идеи гуманитарной экспертизы. В формулировках мы чаще всего опирались на работу и Н. А. Синюковой и С. А. Смирнова [Синюкова, Смирнов 2021]. Мы можем лишь надеяться, что наш пересказ идей коллег оказался удачным и позволил дать информантам необходимое и достаточное представление о гуманитарной экспертизе. Первым вопросом интервью, непосредственно связанным с гуманитарной экспертизой, был вопрос о том, нужна ли она бизнесу, и, если нужна, то зачем. Следует отметить, что в явном виде тезис о том, что гуманитарная экспертиза не нужна, не прозвучал (мы допускаем, что отчасти из вежливости уважаемых информантов).

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«Экспертиза конечно нужна. Какие-то пилотные правовые, экспериментальные режимы могут существовать, но потом нужна экспертиза, нужны апробации».

Информант 3, директор, цифровые технологии в медицине:

«...экспертиза, конечно должна быть, но не больше и не меньше, чем при внедрении любой технологии. Рутинная вещь должна быть <...>: эффективна [или] не эффективна технология, опасна [или] не опасна. Там ничего нового нет».

Информант 4, директор, в. н. с., д-р хим. н., химическая технология:

«Экспертиза всегда танцует от существующего опыта, но существует масса вещей, по которым опыта нет. Могут быть прогнозы, но не может быть гарантий <...>. Никакой прогноз не является гарантией <...>. Надо пытаться прогнозировать, надо пытаться делать это эффективно, но при этом всегда держать в уме, что это только прогноз, а не свершившийся факт. В любом прогнозе, сколько угодно квалифицированном, всегда есть люфт неопределенности».

3(а). *ГЭ нужна бизнесу, потому что позволяет прояснить стратегию.* Более детальные обоснования запроса на гуманитарную экспертизу можно сформулировать в ряде положений. Во-первых, по мнению информантов, гуманитарная экспертиза может дать бизнес-сообществу доступ к нормотворческому (а впоследствии – и к законотворческому) процессу в самом его начале; также она дает возможность сократить дистанцию между людьми, регулирующими технологические отрасли и теми, кто является объектом их регулирования. Во-вторых, гуманитарная экспертиза за счет междисциплинарного взаимодействия позволяет предпринимателям расширить горизонт собственного понимания процессов. В-третьих, гуманитарная экспертиза способна снять риски, связанные с разработкой не перспективных технологий или тех, которые

впоследствии могут быть ограничены в разработке. В целом, по выражению одного из респондентов, гуманитарная экспертиза позволяет убрать «туман войны» для того, чтобы окружение и стратегическая перспектива деятельности стали более ясны.

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«Бизнес-сообщество и вообще бизнес – очень ответственные. <...> Нам проще работать, когда определены “правила игры”, какими бы они не были».

Информант 2, коммерческий директор, разработка электроники:

«Я думаю, что экспертиза нужна. <...> Самая главная задача современного, так скажем, мира – управлять процессами. Способом управления процессами являются знание и контроль. <...> Экспертиза их может дать».

4(а) Внедрение гуманитарной экспертизы в институциональные структуры может быть осуществлено через распределение по направлениям и уровням. Признавая чрезвычайную сложность и новизну задачи, связанной с моделированием способов внедрения гуманитарной экспертизы в институциональные структуры, некоторые важные моменты информанты всё же смогли прояснить. Одной из таких идей явилась мысль о том, что универсального способа гуманитарной экспертизы нельзя придумать и следует создавать экспертные комиссии для разных направлений цифровых технологий и технологий, связанных с внедрением искусственного интеллекта. Вторая мысль касается необходимости разнесения экспертиз на уровни – федеральный, региональный, муниципальный – в соответствии с масштабом внедряемой технологии.

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«Наверное, невозможно придумать универсальный способ [экспертизы], я его не вижу. Например, если мы говорим об использовании цифровых технологий в городском хозяйстве – то тогда, наверное, город, муниципалитет должен одобрять или не одобрять их использование, то есть должна быть структура, комиссия при муниципалитете. Если в отрасли – то при [соответствующем] Министерстве <...> на региональном, муниципальном, федеральном уровнях».

4(б) Моделирование состава экспертной комиссии гуманитарной экспертизы следует осуществлять с соблюдением принципа широкого участия профессионалов разных профилей. В моделировании состава экспертных комиссий информанты придерживались как идеи о трехчастной структуре, включающей представителей власти, разработчиков и научное сообщество, так и тезиса о необходимости соблюдения междисциплинарного состава комиссии. Отрадно было услышать от некоторых о том, что гуманитарии, специалисты по этике и социальные философы также должны войти в состав комиссий.

Информант 1, генеральный директор, информационные технологии:

«[кто может входить в состав комиссий экспертиз? – инт.] Безусловно – специалисты в этих технологиях. Специалисты в гуманитарных и этических вопросах. Наверняка – какие-то представители власти. Экспертное сообщество – представители от разработчиков, от научных организаций, от власти: как обычно, широкий круг. Нужно поле мнений <...> Нужно найти пересечение взглядов».

Информант 2, коммерческий директор, разработка электроники:

«В платоновском идеальном мире в состав комиссий должны входить мудрые люди с широким кругозором. Если люди, участвующие в этом обсуждении, достаточно мудры для того, чтобы понимать, что их компетенция в том вопросе, который они рассматривают, ограничена, или ее вообще нет, и не выносить суждения по этому поводу, и не принимать решений, тогда это качественная междисциплинарная история. <...> Собрать рабочую группу – очень просто, <...> отбор экспертов для принятия решения – очень сложен».

Информант 3, директор, цифровые технологии в медицине:

«Должно быть экспертно оценено: если медицина, то должен быть доктор, если защита общественного порядка – юристы, полиция, социум можно привлекать <...> И разработчики, конечно <...> Смысл заложат, условно, доктора, а исполнение будет за разработчиками <...>

[*Научное сообщество может участвовать? Профессионалы в области этики?* – инт.] Обязательно. Люди [не профессионалы] в общих вопросах разбираются очень слабо. Поэтому нужны [именно] эксперты».

Информант 4, директор, в. н. с., д-р хим. н., химическая технология:

«Абстрактно, экспертизой должны заниматься специалисты, причем многопрофильные, раз задача ставится мультидисциплинарная».

«Я пока вижу частное решение – [например, если технология касается полиции], то есть МВД, им нужно поручить собрать эту комиссию и решать эти вопросы. Частные, понятные вопросы могут относиться к соответствующим государственным ведомствам. Вещи общего плана... <...> Теоретически напрашивается “межведомственная комиссия”, с другой стороны, от самих слов пахнет чем-то совершенно бессмысленным и неэффективным: люди будут собираться, отрабатывать какие-то бюрократические процедуры, но толка от этого не будет».

Заклячая изложение анализа результатов серии интервью, мы хотели бы сделать акцент на том, что помимо рассмотренных высказываний также в беседах прозвучали суждения о том, что идея гуманитарной экспертизы слишком абстрактна и не до конца понятна информантам. Речь идёт о том, что на настоящий момент представить конкретные механизмы её внедрения в существующие институциональные структуры и какую-то её работающую модель не представляется, по мнению некоторых из тех, с кем нам удалось поговорить, возможным.

Также были высказаны сомнения в возможности осуществления гуманитарной экспертизы на практике, которые мы также считаем целесообразным привести. Во-первых, у некоторых информантов есть скептицизм по поводу возможностей экспертного сообщества прогнозировать глобальные риски внедрения цифровых технологий и технологий, связанных с искусственным интеллектом. Во-вторых, так как определённые формализованные и неформализованные практики экспертизы проектов уже существуют, то надстройка ещё одной структуры – гуманитарной экспертизы – выглядит излишней. В-третьих, прозвучали сомнения по поводу возможности экспертного сообщества выработать какую-то общую, и при этом не ангажированную точку зрения. Эта мысль, отметим, отчасти звучала уже у А. А. Воронина [Воронин 2012: 125]. В-четвертых, были высказаны сомнения том, что независимая экспертиза и независимые эксперты в принципе существуют.

Очевидно, что идея гуманитарной экспертизы требует, с одной стороны, популяризации, а, с другой стороны, прояснения и конкретизации механизмов организации, проведения и внедрения в существующие институциональные структуры. Высказанные информантами сомнения в целесообразности и возможности проведения гуманитарной экспертизы могут стать причинами усомниться в том, что теоретическую и практическую проработку её идеи следует продолжать. Но намного рациональнее, на наш взгляд, рассматривать их как возможные уязвимости модели гуманитарной экспертизы, и, соответственно, усиливать её концептуальные и практические параметры в том числе в этих слабых местах.

Проведённое (пускай и в пилотном, усечённом формате) исследование показало, как представляется, что существует разрыв в понимании идеи гуманитарной экспертизы у её разработчиков, социальных философов, и тех, кого она непосредственно касается – представителей бизнес-сообщества. Так, расходятся представления о цели гуманитарной экспертизы: если первые удерживают в фокусе философскую задачу восстановления нормы и границ человека, то вторые нацелены на более практический результат, позволяющий развивать дело наиболее эффективным и прозрачным образом. Разумеется, данное заключение не содержит в себе никаких оценочных выводов о целях деятельности первых и вторых, а лишь акцентирует разницу целеполагания и необходимость диалога для налаживания сотрудничества и настройки общей оптики. Закljučая, акцентируем, что разработка концепции гуманитарной экспертизы, на наш взгляд, может быть существенно продуктивнее в диалоге с представителями бизнес-сообщества. В качестве возможного направления развития темы укажем как необходимость проведения полномасштабного социологического исследования по намеченной теме, так и актуальность выхода на диалог с другими сообществами, например, с управленческими структурами.

Библиография

- Воронин 2012 – *Воронин А. А.* Гуманитарная экспертиза (обзор) // *Философия и культура*. 2012. № 5 (53). С. 118–127.
- Воронин 2013 – *Воронин А. А.* Гуманитарная экспертиза: опыт исследования и проблемы // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. Москва: ИФ РАН, 2013. С. 87–112.
- Горбачева, Пестунов 2022 – *Горбачева А. Г., Пестунов А. И.* О проведении гуманитарной экспертизы цифровых технологий в форме поискового полигона (методический аспект) // *Человек.RU*. 2022. № 17. С. 96–104.
- Гребенщикова 2011 – *Гребенщикова Е. Г.* Гуманитарная экспертиза в «обществе риска» // *Личность. Культура. Общество*. 2011. Т. 13. № 2 (63-64). С. 166–172.
- Луков 2006 – *Луков В. А.* Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // *Знание. Понимание. Умение*. 2006. № 4. С. 197–200.
- Синюкова, Смирнов 2021 – *Синюкова Н. А., Смирнов С. А.* Этическая и гуманитарная экспертиза: концептуальное различие (методологический аспект) // *Человек.RU*. 2021. № 16. С. 26–48.
- Смирнов, Яблокова 2019 – *Смирнов С. А., Яблокова Е.* Антропологические границы гуманитарной экспертизы // *Философская антропология*. 2019. Т. 5. № 1. С. 26–44.
- Тищенко 2008 – *Тищенко П. Д.* Философские основания гуманитарной экспертизы // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 3. С. 198–205.

Юдин 2006 – Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. Ред. Вал. А. Луков. Москва: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214–237.

References

- Voronin 2012 – Voronin A.A. Humanitarian expertise (review) // *Philosophy and Culture*. 2012. No. 5 (53). 2012. P. 118–127. In Russian.
- Voronin 2013 – Voronin A. A. Humanitarian expertise: research experience and problems // *Bioethics and humanitarian expertise*. Moscow: IP RAS Publ., 2013. P. 87–112. In Russian.
- Gorbacheva, Pestunov 2022 – Gorbacheva A.G., Pestunov A.I. On conducting a humanitarian examination of digital technologies in the form of a search polygon (methodological aspect) // *Chelovek.RU*. 2022. No. 17. P. 96–104. In Russian.
- Grebenshchikova 2011 – Grebenshchikova E.G. Humanitarian expertise in the “risk society” // *Personality. Culture. Society*. 2011. Vol. 13. No. 2 (63–64). P. 166–172. In Russian.
- Lukov 2006 – Lukov V.A. Humanitarian expertise: from theory to practice // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2006. No. 4. P. 197–200. In Russian.
- Siniukova, Smirnov 2021 – Siniukova N.A., Smirnov S.A. Ethical and humanitarian expertise: Conceptual distinction (methodological aspect) // *Chelovek.RU*. 2021. No 16. P. 26–48. In Russian.
- Smirnov 2019 – Smirnov S. A., Yablokova E. Anthropological boundaries of a humanitarian expertise // *Philosophical Anthropology*. 2019. Vol. 5. No 1. P. 26–44. In Russian.
- Tishchenko 2008 – Tishchenko P.D. Philosophical foundations of humanitarian expertise // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2008. No. 3. P. 198–205. In Russian.
- Yudin 2006 – Yudin B. G. From ethical expertise to humanitarian expertise // *Humanitarian knowledge: development trends in the XXI century*. Ed. V. Lukov. Moscow: Publishing house of the NIB Publ., 2006. P. 214–237. In Russian.